

С А Г А

ОДЕССКАЯ САГА

ЮЛИЯ ВЕРБА

ТРОЕТОЧИЕ...

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Харьков
«ФОЛИО»
2021

1962

Доигралась

Ксения потеряла виски и затылок. Глаза от бесконечных цифр уже слипались, страшно гудела голова — как будто ее зажали в тиски и все закручивали и закручивали винт. Но она почти уже закончила. Налила себе еще немного коньяка в тяжелую рюмку.

Младшая из сестер Беззуб пошевелит отекавшими от ночного сидения пальцами ног, несколько раз хлопнет со всей дури себя по щекам и запьет коньяк остывшим чаем. А дальше едва успеет отклониться от стола, чтобы не забрызгать только что выправленные бумаги.

Ее безудержно рвало прямо на пол в кабинете начальника промтоварной базы. В глазах потемнело, голова кружилась, тошнота бесконечно подкатывала новой волной, руки тряслись... Чтобы не упасть, Ксения изо всех сил уцепилась одной рукой за стол, а второй — за спинку стула.

«Отравили или залетела?» — мелькнуло у нее в голове.

После того как рвота закончится, ей станет чуть легче, но металлические тиски на голове снова начнут затяги-

ваться. Придерживаясь за дверь, она разбудит спящего в кабинете несчастного начальника:

— Мне плохо. Там... в кабинете... я, кажется, испортила вам стул... На столе бумаги и чернила. Я прилягу, тащите их сюда, я покажу, что подписать... и дайте ведро...

Она снова вырвет. Потом выпьет воды и, растирая руками виски, слабо произнесет:

— Порванные бумаги в корзине унесите с собой. Сожжете. А меня довезите до Еврейской...

Ксения буквально вползет в приемное отделение. Между приступами рвоты она спросит у дежурного врача:

— Может, я беременная?

— В сорок семь? Очень, хм, оптимистично. Это приступ гипертонии, голубушка. В вашем возрасте и при вашей комплекции, да и, — врач потянет носом на Ксенино коньячное дыхание, — при употреблении крепких напитков — обычное дело. Беременность! Надо же, какое самомнение у мадам! Можно позавидовать!

Ксене уколут магнезию, и боль станет отступать. Она поднимется:

— Я домой.

— Какое «домой»? Во-первых, понаблюдаться, во-вторых, как минимум, выспаться.

— Какое выспаться? У меня работа через два часа. У меня прием товара.

— Вы свое на сегодня уже приняли. Спать сейчас же! Или мне вам еще снотворного вкатить?

Доктор заглянул в карман, куда Ксения опустила червонец: — Да, на снотворное тоже хватит.

— Мужу хоть можно сообщить?

— Сообщим, не волнуйтесь.

Панков примчится. Раздаст всем медсестрам команд и денег, перешугает баб в палате и наотрез откажется везти Ксаночку домой.

— Только уход и присмотр. И спать. Ты себя загнала! А я позволил! Никаких ночных смен. Все. Лавочка закрыта. Ты мне дороже.

Потом он присядет на край скрипучей кровати.

— Встань — мы сейчас ее провалим. Эта панцирная сетка меня с трудом держит, — улыбнулась бледная Ксения.

Панков оглянется на соседок по палате, те шмыгнут в коридор, а он опустится на колени и шепотом спросит:

— Ксаночка, честно. Что ты чувствовала? Тебя не могли отравить? Ты очень бледная.

— Я сама открыла коньяк. Зачем меня травить, если я его шкуру спасаю, тем более, что деньги я всегда беру вперед и не у них в кабинетах.

— А если подстава? И тебя так убрать решили?

— И столько хищений на одной базе за три года ради меня организовали? Не дуй на воду, Илья, — слабо улыбнулась Ксения.

— Я проверю.

— Не лезь туда. Там и без тебя не сегодня-завтра проверяющие наедут. Тем более я отомстила — испортила ему рабочее кресло.

— Я ему все испорчу — и морду, и работу, и жизнь! — воскликнул Панков.

— Успокойся. Я просто устала. Доктор прав. Возраст, перегрузки, цифирь...

— Коньяк, — огорченно продолжил Панков.

— Коньяк не трожь. Вон покойная наша полуродственница, Женькина свекровь, мадам Гордеева, которая всю Молдаванку лечила, считала, что коньяк — лучшее средство для сосудов. Сосудозвужуюче-сосудозширюече. Хотя сама спирт предпочитала.

— Все, — Панков целовал ее руки, — все, хватит. Покой. Санаторий, самый лучший, крымский. Питание, сон, прогулки... Ну и коньяк...

— Только с тобой.

— Та ладно, — расцвел Панков. — Не узнаю тебя. Что значит «с тобой»? А в лавке кто останется? Вон сезон на носу...

* * *

Людка стояла, опустив руки, и смотрела на рухнувшего отчима. Нила своим знаменитым сопрано визжала так, что из дальней спальни выскочила даже ее мать Евгения Ивановна Косько в байковой ночной сорочке. Женя включила люстру.

Нила заморгала от яркого света и наконец перестала вопить. Возле ног лицом вниз лежал Пава. И не шевелился.

— Сдох? — невозмутимо спросила Женя.

— Надеюсь, — не отрывая взгляда от тела, задумчиво ответила Людка.

Нилка размазывала по лицу сопли вперемешку с кровью от разбитого носа:

— Дочечка, ты чего, ты как? Как же это? Пава, Павочка, ты меня слышишь? — Она трясущейся рукой потрогала мужа за плечо. Тот не двигался.

— Убила, — обреченно прошептала Нила и уже беззвучно заплакала: — Что же будет? Что с нами будет?

— Тишина и покой, — отозвалась Людка и наклонилась: — Я ж его не рубанула, а так, обухом.

— Доченька, тебя же посадят!

— Зато вы будете жить спокойно. А меня надолго не посадят. Я несовершеннолетняя.

Женя, которая давно абстрагировалась от всех семейных проблем и бед своей никчемной дочери, ее павлина-алкаша и нагулянной внучки, с интересом смотрела на Люду. А девчонка-то наша. Ничего, что в эту рыбку немецкую Петькину породу. Вон топором этого идиота уделала, не побоялась. И стоит в любимой ее позе — рука в бедро, нос задран.

Но умиление и родственные чувства у Жени долго не длились.

Она брезгливо поморщилась:

— Людка, пульс у него потрогай.

— Я не буду его трогать, — отрезала Люда.

Нила бросилась щупать шею Паве:

— Вроде есть пульс... или нет... Я не понимаю. Мама, посмотри!

— И не подумая.

Вдруг Пава негромко застонал.

— Живой! — обрадовалась Нила и, став на колени, попыталась перевернуть мужа.

— Жалко, — бросила Людка.

Она присядет и посмотрит в мутные полуприкрытые глаза отчима. Потом аккуратно постучит рукояткой топора ему в лоб:

— Эй, тук-тук! Слышишь меня? Еще раз маму тронешь, и я тебя не пожалею. Ночью спящего убью. Понял? И не топором, а просто шило в ухо воткну.

Павлик стонал и непонимающе хлопал глазами — то ли все еще в хмельном угаре, то ли не оправившись после удара.

В общем, Людка в последний момент струхнула и двинула его обухом как раз за ухо, в область рауш-наркоза.

Павлик все услышит и запомнит. Побои прекратятся, но каждый день двор будет слышать его вечернюю матерную мантру, когда, добив бутылку, он будет долго и смачно проклинать на все лады неблагодарную горбатую приживалку. Пава точно знал, какое слово ранит ее больше всего.

У Людки был сколиоз. При ее худобе очень заметный. Вся левая половина спины выпирала и уходила чуть вбок. Из-за этого его падчерица даже вылетела из престижной школы.

Ксения Ивановна, узнав, что Людочка учится в английской спецшколе, сначала обрадовалась, а потом огорчилась — что значит украинский класс? Да как же она поступит? Она же по-русски будет писать с ошибками? Вы чем думали, когда в первый класс отдавали?

А кто думал-то? Записали в ближайшую школу — вот и ладно. А какой класс — кто ж смотрел! Да и разница какая, если английская спецшкола? Спасибо, что взяли бесплатно, по прописке, без блага.

Языки Людке давались легко. И знаменитый счетный Беззубовский мозг тоже достался ей в наследство.

— Вы хоть в старших классах переведите ее в центр, в языковую, но на русском. Потом будет больше шансов поступить. Я устрою, — не умолкала Ксения. Ее Сашка готовился к поступлению на иняз в Москву, да, не без связей Панкова, но языки он учил с репетитором почти год каждый день, а тут уже уровень не хуже.

— Людка! Пойдешь в хорошую школу?

— Та у меня хорошая.

— В лучшую! К профессорским детям. Поступишь — куда захочешь, по миру будешь ездить. Хочешь?

— Хочу!

Но Ксенина услуга племяннице снова окажется медвежьей. Тощая Люда носила на злополучном, как она считала, дефективном левом плече кофточку, которую связала баб Женя. Накинутая на манер гусарского ментика вязанка маскировала выпирающую лопатку и ребра. На самом деле проблема была не такой катастрофической, как казалось Люде, но у каждого подростка свои комплексы и страхи, и «горб» для Канавской был вопиющим уродством, заметным всем.

Первым в новой школе она познакомится с завучем.

— Это что такое? — рявкнет он, указывая пальцем на кофту. — Ишь ты, стилига нашлась!

— Это кофта, — ответила Люда. — Вы, вообще, кто?

— Я кто?! Ты кто такая?!

— Канавская. 9-Б.

— Я сказал: снять! — Завуч схватит вязанку. Люд-ка, привыкшая к оплеухам отчима и дворовым дра-

Содержание

1962	5
Доигралась	5
Ваня	14
1963	17
«Бог любит троицу»	17
Дальтоник	25
Первая ходка	30
1964	33
Газу!	33
МГИМО	36
Мечты сбываются	38
1965	41
В музей	41
«Я – старая!»	43
1966	48
«Чайная роза»	48
«Сын лейтенанта Шмидта»	50
Жизнь кончена	54

1967	57
Откуда не ждали	57
Рояль в кулисах	68
1968	78
Новоселье	78
Откинулся	82
«Бесаме мучо»	86
1969	89
Адиёт	89
Дембель с прицепом	100
1970	109
Мартовский ход	109
Мотокросс	111
Обручальная гайка	116
Перспективы	118
Выпуск	121
ЗАГС	129
Шифровки	132
1971	148
Морская мечта	148
Фартовые	151
1972	154
Большой гешефт	154
Человек за бортом	164

На ножах	166
Совет старейшин	172
1973	174
Не попадайся	174
Конструкторское бюро	181
Вожак стаи	186
Самолет	190
В небо	192
1974	197
Третий рейс	197
Приметы	204
Пустота	212
1975	220
«Крестовый поход»	220
Крупно повезло	227
Не поминайте лихом	232
1976	236
«Хинди-руси»	236
Никого не будет	239
1977	243
Землетрясение	243
1978	247
Без опоры	247
Вам не стыдно?	249
«Дисер»	253

1979	258
Аидише Женя	258
Прицельное попадание	265
1980	276
«Туалета нету»	276
Ничего не было	278
«Роман» с «Трудом»	282
1981	285
Живая вода	285
«Пусть гитара играет»	289
Здравствуй, Дедушка Мороз	291
1982	296
Новое счастье	296
Черный август	301
1983	309
Сердечная мышца	309
Дача	314
Понаехали	324
Зови мужиков	329
Гонка вооружений	335
Юбилей	338
1984	347
Подавись	347
Сколько хочешь	353